Света подошла к унылой Колесовой, которая после проигрыша во вчерашней встрече младшей и старшей баскетбольных команд ни с кем не разговаривала.

— Ты играешь здорово, даже лучше старшеклассниц. Вот если бы все так в твоей команде играли.

— Меня берут в сборную школы,— чуть просветлела Люба.

— Поздравляю!

— Да... фигня! С этими клушами придётся вместе играть.

— Они скоро выпустятся из школы, а может, вообще не войдут в сборную в связи с экзаменами, всё-таки десятый класс.

«Точно! Смирнова, ты — молоток!» — окончательно повеселела, к удивлению всех, «гроза класса».

После уроков пошли к Светлане.

— Вот это хоромы у вас! — удивилась Колесова, подходя к воротам кирпичного особняка, а войдя вовнутрь, даже оробела.

Дом Смирновых был как благоустроенная квартира: местное отопление от котла, санузел в доме, на кухне в кране холодная и горячая вода, ровные потолки, красивые обои.

Люба выросла в бревенчатом домике с печным отоплением и с удобствами во дворе. Потолок и стены в доме дважды в год забеливались известью с добавлением синьки или бирюзовой краски, купленной на рынке, расфасованной в четвертинку газеты. У Любы были один на двоих с братом письменный стол и одна на двоих с матерью железная кровать. Брат спал

в той же комнате, что и они, на диванчике. Кровать бабушки стояла в кухне возле русской печки.

— Проходи. Мама с папой на работе, но мы сами себе не дадим умереть с голоду. Сейчас посмотрим, что у нас есть в холодильнике.

Колесова села за овальный обеденный стол, который, вероятно, был частью кухонного гарнитура. Через открытую в зал дверь было видно край «стенки». У Смирновых было красиво, как в музее. Люба каждый раз сожалела, что у Светы отдельная комната, куда они уходили, наспех перекусив бутербродами с чаем. Хотелось рассмотреть весь дом, но нужно было заниматься.

Девчонки договорились ходить друг к другу по очереди. Следующий раз отправились грызть гранит науки к Любе. Она жила в пределах того же квартала, что и Света, только на две улицы дальше. В семье Колесовых, так же как и у Смирновых, было три женщины и один мужчина — младший брат Любы, который учился во вторую смену. Так что на момент прихода девочек дома была только баба Соня, встретившая их, дымя сигаретой без фильтра. «Ну и бабка у Любы!» — промелькнуло в голове у не умеющей скрывать эмоции Светланы. Щуплая морщинистая старушка, смешливо поблёскивая блёкло-голубыми глазами, вместо ответа на еле слышное приветствие гостьи ошарашила её вопросом:

— Ты, девонька, курить ещё не пробовала?

— Нет,— выпалила, выпучив на неё свои синие глаза-блюдца, не отходя от вешалки, Светка.

Казалось, что она сейчас опять напялит на себя своё модное пальто и сиганёт за порог. Бабуля, гася окурок у плиты, невозмутимо продолжала:

— А наша-то спортсменка проявляла интерес. Да только я вмиг её образумила. Рука у меня ой какая тяжёлая.

— Баба, ну хватит! — не выдержала прессинга Любка.— Проходи в зал,— указала она однокласснице в направлении комнаты, одновременно служившей спальней матери с детьми.

Комната, в которой они ещё находились, являлась прихожей и кухней.

— Не торопитесь. Голодные, поди? На плите щи, чайник горячий,— сказала бабулька, убирая со стола плоскую ярко-красную пачку «Примы». Доставая из шкафчика чашку со стряпушками, продолжила, обращаясь к Светлане: — Я, девонька, тоже не с сигаркой в зубах родилась. Уж за тридцать

было, когда курить начала. Как похоронку на Любашкиного деда получила, взвыла на всю округу. Женщины-то уже знали: лучше сейчас не трогать горемычную, пусть прокричится. Дед Тимошка, сосед, не выдержал моего рёву, притёпал, а что делать, не знает. Хвать своё козье коленце — да мне в открытый рот: «Курни, дочка, легче станет». Я непроизвольно вдохнула, причитания сменились кашлем до посинения. Отдышалась — деда след простыл. Самокрутка на полу валяется, не дымится уже. Прибрала я её. Как комок к горлу подкатит, так достаю, прикуриваю. Раза за три изничтожила, потом сама завёртывать научилась. Махоркой было разжиться легче, чем куском хлеба.

Люба поставила на стол тарелки с наваристыми щами. В большой чашке с одного края лежали румяные пироги, с другого — шаньги с творогом. Девчонки, хотя и ходили в школьную столовую на большой перемене, за еду принялись с аппетитом. Баба Соня ушла в зал, к концу их трапезы вернулась с альбомом.

— Вот он, мой Мишенька, тридцать два годочка тут ему.

Света внимательно всмотрелась в черты крепкого молодого мужчины на пожелтевшем фото и вдруг вскинула взгляд на одноклассницу:

— Люба, ты очень похожа на дедушку.

— Только лицом. А так — куда там! Михаил был степенный, а эта — егоза, вся в меня. Ох, я была — огонь! Могла ещё не раз замуж выйти, да только лучше Михаила не встретила, а хуже на что мне? Так всю жизнь и живу с дочкой, с внуками.

— Ладно, баб, нам заниматься надо.

— Учитесь, учитесь, девоньки. Без образования никуда сейчас.

Смирнова взялась за навёрстывание пробелов в знаниях «спортивной надежды школы» очень серьёзно, иногда даже жертвуя частью воскресного дня. Люба стонала, но подчинялась настойчивости одноклассницы. В результате обе успешно сдали экзамены и были переведены в девятый класс.

Начались каникулы. Подружки Светланы разъехались: кто с родителями в отпуск, кто к бабушке в деревню. А её бабушка жила в городе, да к тому же работала. Нет, она давно вышла на пенсию, но после смерти дедули вернулась на родное предприятие. Прежде она работала в бухгалтерии, теперь её взяли на вахту, да и то по старой памяти. Бабушка спасалась среди людей от навалившегося одиночества. Когда был жив дед, Света иногда гостила у них. Теперь ехать в Зеленоборск,

если только она не решила одна в городской квартире бабушки умереть от скуки, не имело смысла.

Колесовой ехать было не к кому. Её отец давно сбежал от них, а брат вообще безотцовщина. По выражению бабушки, мать принесла мальчонку в подоле. Но Люба не от скуки отправилась к однокласснице. Во-первых, она настолько привыкла к общению со Светой, что ноги сами вели её к дому Смирновых. А во-вторых, в городском парке начались танцы под вокально-инструментальный ансамбль, в котором играет Любин знакомый — Эдик. Он приглашал её сегодня, даже контрамарку дал. Но как идти одной в парк? Вся надежда на Смирнову. А вот и она, поливает цветы в палисаднике.

— Привет, Светик!

— Ой, привет! Ты что такая серьёзная? Пойдём в дом, я тебя с сестрой познакомлю.

— Не-е, разговор есть без свидетелей.

Люба не знала, с чего начать. Если сказать про Эдика, подружка может не пойти. А если не сказать, как потом объяснять наличие контрамарки? Решила просто позвать с собой, а дальше видно будет.

— Свет, пойдём в парк на танцы.

— Меня не отпустят.

— А ты скажи, что пошла ко мне.

— Отец узнает, попадёт и за танцы, и за враньё.

— Откуда же он узнает?

— Хотя бы по моему виду, я же в этом сарафанчике на танцы не пойду.

— Надень брюки и рубашку.

— Ага, и пойдём картошку окучивать.

— Это самая модная одежда этим летом! Только нужно низ брючин распустить на бахрому, а рубашку завязать узлом под грудью.

— Что-то я не слышала про такую моду.

— Это одежда хиппи. Сейчас в центре вся молодёжь хиппует, и у нас уже некоторые так ходят.

— Интересно.

— Иди переодевайся. На билет тридцать копеек возьми. У меня дома распорем низ твоих брюк и выдергаем поперечные нити, сколько успеем. Я скажу, что мы — к тебе, и свалим.

Свете не хотелось обманывать родителей, но любовь к танцам, любопытство, как они проходят в парке, и желание быть причастной к неведомым модным хиппи взяли верх.

Музыку было слышно ещё на подходе к парку. Сердца девчонок взволнованно стучали в ритме быстрого танца. Люба протянула контролёрше клочок бумаги с печатью. Светка, не глядя, высыпала в подставленную ладонь женщины мелочь и, хлопая белёсыми ресницами, незамедлительно спросила подругу:

— Что это у тебя?

— Идём,— потащила та её к сцене,— это контрамарка, выдаётся в течение вечера тем, кто выходит с танцплощадки прогуляться, покурить, в туалет.

— Где ты её взяла?

— Смотри, видишь парня с бас-гитарой, ну, который ближе к нам? Он дал.

— А он тебе кто?

— Это мой парень — Эдик. Мы с ним уже два раза встречались.

Участники ансамбля по сторонам особо не смотрели. Это на них восторженно смотрели многочисленные поклонницы. Те, что посмелее, оккупировали край сцены, сидели важно, считая себя на танцплощадке главными. Люба уловила момент, перехватила взгляд бас-гитариста и помахала ему рукой. В перерыве Эдик подошёл, поболтали пару минут, и он отправился следом за парнями на перекур. Во второй части девчонки попрыгали под «Синий иней» прямо у сцены вместе с толпящимися здесь девушками пятнадцати-семнадцати лет. Люба успела занять себе место, Света стояла рядом. Она уже несколько минут ощущала затылком чей-то пристальный взгляд. Оглянулась и моментально отвернулась, оробев, повстречавшись взглядом с чёрными глазами незнакомца. Она не успела толком рассмотреть парня, стоящего у сцены на другом конце, где начинаются лавочки, расположенные по всему периметру танцплощадки до самого входа. Но она больше не обернётся, наоборот, сейчас за кем-нибудь спрячется от его магнетических глаз. Люба звала её на быстрый танец.

— Нет, не хочу. Можно я посижу немного на твоём месте? Ноги устали.

Колесова потеснила соседок. Света втиснулась. Она, конечно, обманывала подругу. Её ноги так и просились на тур вальса. «Эти глаза напротив...» — пел солист ансамбля, по кругу вращались немногочисленные пары, кучка молодёжи танцевала в центре «медляк». Света вообще не понимала, как можно назвать танцем это переминание с ноги на ногу. Только отзвучал вальс, сразу объявили белый танец. Женская половина кинулась приглашать понравившихся юношей, подружки сели посвободнее. Смирнова успокоилась, стала рассматривать танцующих.

Кто это двумя руками держит за талию обесцвеченную, с пошлым начёсом деви́цу? Нет сомнений, это он! Очень взрослый, симпатичный, если не сказать — красивый. И хоть смотрит он на свою перезревшую партнёршу совсем не так, как смотрел на неё, Свету покоробило, настроение испортилось.

— Люба, пойдём домой, уже темно, меня потеряли.

— До конца минут десять осталось!

Но Смирнова уже спрыгнула со сцены и направилась к выходу.

Возвращаясь из парка, подруги всю дорогу молчали. Колесова злилась больше на себя: «Весь вечер мечтала, как Эдик пойдёт провожать, а сама ушла, не дождавшись окончания танцев!» Света пыталась разобраться в своих эмоциях, старалась понять, что с ней происходит.

Смирновы не спали. Отец курил на крылечке. Мать и сестра сидели на лавочке у ворот. Они поднялись навстречу подходящим к дому девчонкам.

— Говорила же я тебе, что ничего с ней не случилось, придёт.

— Постой,— остановила мать Надежду и дала выход переживаниям.— Ты где была? Мы уже хотели идти тебя искать,— напустилась она на Светку.

Люба ответила за подругу:

— Мы были на улице возле нас.

— Люба, а ты не боишься по темноте ходить? Может, проводить тебя?

— Нет, спасибо, я всегда поздно гуляю.

— Ну, беги, а то мать волнуется.

— Мамка давно спит, ей в пять вставать на работу. До свидания.

Подождали, пока силуэт Колесовой исчезнет в глубине неосвещённой улицы, молча пошли в ограду. Валентина переваривала ответ четырнадцатилетней девочки. Отца на крыльце уже не было. Он в доме сидел в кресле, добавив к естественной серьёзности строгих красок. Светка интуитивно жалась к сестре: Надя окончила институт, перейдя в разряд взрослых членов семьи. Вдруг мать всплеснула руками:

— Ой, батюшки, что это на тебе?

— Этим летом так носят, так хиппи одеваются,— неуверенным голосом пролепетала дочка.

Надя рассмеялась:

— Хиппи в джинсах ходят! В Америке они рабочей одеждой считаются, а у нас люди фарцовщикам за них бешеные деньги отдают,— адресовала последнюю фразу она для матери.

— А я-то думаю: что у нас в универмаге такой ажиотаж вокруг этих джинсов?

— Мама, ты что, не взяла?!

— Твоего размера, Надюша, не было. Привоз был в подростковом отделе. Ну всё, разоблачили вы меня, думала придержать до дня рождения этой гулёне.

— Мамочка, кто же меня зимой в них увидит?! Я, честно, ничего не буду просить в декабре,— забыв про всё, запрыгала вокруг матери Светка.

Валентина достала из комода пакет:

— Примерь. Если в поясе широки, ремешок можно вставить.

Женщины так были заняты дефицитной вещью, что забыли про присутствие в комнате отца.

— Этой гулёне бы всыпать,— подал он голос из кресла,— а она подарки ей дарит!

Валентина постаралась принять строгий вид и принялась наставлять дочь:

— Свои брючишки с бахромой выбрось. Рубашку на все пуговицы застёгивай, никаких узлов, показывать живот — неприлично.

Светка, уже облачённая в обновку, сияя от счастья, обхватила мать за шею:

— Торжественно клянусь,— и, чмокнув в щёку, поблагодарила: — Спасибо, мамулечка.

Мать поцеловала её в ответ и с нотками извинений в голосе обратилась к Наде:

— Немного подожди, доченька, и тебе возьмём. Скоро будет поступление в отделе у Лизы Кодряну, она за туфельками ко мне недавно приходила. Главное, чтобы привезли джинсы да был твой размер.

— Да ладно, мама. Вы с папой мне шикарный подарок сделали. Что может быть лучше поездки по туристической путёвке?!

Настроение Валентины в который раз за вечер переменилось:

— Ой, не успела приехать — и опять уезжаешь!

— Что ты, мать? Уезжает ещё через два дня и не на год,— взялся успокаивать жену Николай.

В семье наступили мир, всеобщее чувство взаимного обожания и... сон.